

ОТ КАКОЙ ПЕЧКИ?

Пятидесятилетний французский прозаик Фредерик Бегбедер, признанный автор бестселлеров, а также «немного актер», года три назад выпустил сборник своих бесед с коллегами, среди которых есть и мировые знаменитости. Название: «Интервью сына века».

Форма самовыражения этого сына века не менее интересна, чем содержание. В предисловии («Предбеседе») на десятой строке он говорит о своих собеседниках, что те «мелют языками без остановки, для смелости выпивая». Потом добавляет, что общение с ними «смахивает на дуракаваляние». И еще что ни он, ни его собеседники «не принимают друг друга всерьез». И что все эти диалоги — «пустая болтовня».

Вопросы меж тем обсуждаются далеко не пустые. «Зачем мир так устроен? Зачем мы живем? Что лучше делать: книги или детей?»

Ответы — по принципу: «Я ни хрена не понял». И в высшей точке этого мыслизвержения... как бы это сказать по-русски...

«Фатит!»

Попробуйте передать все это в переводе, не теряя рискованной провокационности, но и не оскорбляя вкуса русских читателей. Как это непросто, я знаю из первых уст: книгу Бегбедера перевела с французского на русский (и скрупулезно откомментировала) Мария Аннинская. Моя старшая дочь.

Так откуда же такое «шебутное» состояние душ? Оно что, сугубо французское?

Отнюдь. Мы, русские, так же самозабвенно валяем дурака. У нас это связано с фундаментальным лежанием на печи.

Да прочна ли печка?

А если во всем мире прошелся по фундаментам мечтательный кровавый век — век мировых войн, опустошительных революций и гражданских смут? От печек — одни осколки...

Все, что осталось после такого опустошения, говорит Бегбедер, — это «фрагменты и обломки». Что получают новые поколения? И какими станут?

Они все «пара» — пара-клубники, пара-наркоманы, пара-спортсмены-экстремалы, типа серфингисты. Кроме того, страшные индивидуалисты и пофигисты.

Это Бегбедера радует.

А вот заявление одного его собеседников, которое радует не меньше:

«Вопрос: почему я здесь? Потому что тусовки типа “Сделаем из кюре пюре” — иначе говоря, тусы как новый глобальный образ жизни — стали в высшей степени популярны у молодежи до тридцати пяти лет, а уж у двадцатипятилетних и подавно. Это новый тип людей».

Кто это говорит? Гийом Дюстан, актер, писатель, издатель, темы которого — эксперимент, гомосексуальность, порнография.

Не менее впечатляющая картина будущего вырисовывается в беседе Бегбедера с Томом Вулфом — младшим, знаменитым американским журналистом, собравшим больше полудюжины литературных премий. Момент беседы — первый год двадцать первого

века — 11 сентября — два нью-йоркских небоскреба протаранены самолетами явно исламской ориентации, — момент, обнаруживший у «цветных миллиардов» зависть к «белому миллиарду». Стало ясно, что зависть эта готова перехлестнуться в ненависть. Вот точка, вернее, печка, от которой история приготовилась плясать к эпохе нового глобального переселения народов...

Бегбедер спрашивает, не собирается ли Вулф написать про 11 сентября. Нет, не собирается. Потому что занят другими проблемами. В частности, ролью, которую будет играть молодое поколение в начавшемся новом глобальном противостоянии миллиардов.

Предсказание Вулфа: «Молодежь, которой в будущем предстоит руководить крупными предприятиями, вместо учебы занята исключительно тем, что пьет и трахается, — иначе говоря, в упор не желает видеть мир, которым скоро будет вертеть по своему усмотрению».

Вот такие танцы от разбитых печек.

Я не собираюсь внедряться во все интервью Бегбедера. А процитирую еще одного собеседника, рассуждение его Бербедер приводит сочувственно (и на сей раз без тени шептунной игры).

«Надо с доверием относиться к русскому народу. Он переварил монголов, переварит и коммунистов».

Спасибо за доверие. Но уж это непременно хочется откомментировать.

Насчет монголов. Русские действительно переварили их, когда монголы вошли в состав Московского государства. Но до этого и монголы переварили москвитов, которые оказались в составе государства Ордынского. Так что лучше не считаться.

Насчет коммунистов. Надо бы прояснить, что понимается под этим из латыни свинченного термина. Если это модель светлого будущего для всего человечества, то русские действительно ее переварили и выкинули, когда стала ясна бесперспективность такой модели. А если «коммунизм» — это путь выхода России из кровавой Смуты XX века, то он, коммунизм, может и вернуться, чтобы спасти нас, русских, коль случится очередная Смута. Разумеется, содержание ее будет мало похоже на то, что сталинизм сделал из ленинизма. Но слово — магическое — может и вернуться. Бог не приведи, конечно. Не слово страшно — страшна Смута, если она нас накроет.

Мечтательный кровавый XX век остается в памяти и неунывающих французов, и неотступных германцев, и всесочувствующих россиян.

История покажет, чем это все обернется.

Соберемся же с духом и будем готовы ко всему.

